

УДК 821.161.1

А.А. ГАЗИЗОВА,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы и журналистики XX–XXI веков
Московского педагогического государственного университета
(Российская Федерация)*

КОНЦЕПЦИЯ АНТИГЕРОЯ В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО «КАРАМОРА»

Статья посвящена исследованию проблемы антигероя в рассказе М. Горького «Карамора». Осмысливается тип сознания идеологизированного героя, «маленького человека», трагедия его мироощущения в переломную эпоху революции, двойственность героя как искреннего революционера и искреннего провокатора. Анализируются размышления М. Горького над последствиями влияния революционных идей на психику обыкновенного человека.

Ключевые слова: антигерой, идеологизированный герой, «маленький человек», революция, провокаторств.

Одна из самых «болевых точек» размышлений позднего М. Горького – это сознание и свобода вчерашних рабов. Он хотел понять их мысли о революции, о способах реализации своей свободы. Он хотел понять, как осознает себя массовый человек в силовом поле безрелигиозных идей века – ницшеанских, марксистских – и как он действует, либо ими руководствуясь, либо слепо им подчиняясь, либо равнодушно превращаясь в их орудие. М. Горький задумался над тем, как новые идеи повлияли на «психику русского примитивного человека», у которого чувство социальной справедливости не подкреплено духовностью и разумностью.

Таких немало оказалось среди «социальных дел мастеров». Будучи прилежными учениками революционных теоретиков, они всерьез поверили, что истина в их руках, и безоглядно, не разбираясь в средствах, ринулись насаждать ее. Среди них особенно интересным оказался для М. Горького маргинальный человек, ведь ему всегда нравились те, что приспособлены были для бунта и озорства, и преступления [1].

Постепенно он выделяет тех, кто становится преступником из желания быть героем и кто идет на преступление, испытывая идею. Отделить эти мотивы вряд ли возможно, так как они возникают в подсознании, питаются инстинктами и созревают в таких лабиринтах духовного пустыря, где логический инструментарий не действует. Но и отступить перед трудным материалом М. Горький не мог. Так появились очерк «Убийцы», рассказы «Кошмар», «Испытатели», «Рассказ о неизвестном герое», «Карамора», повесть «Жизнь ненужного человека», роман «Жизнь Клима Самгина», отмеченные преодолением прежних иллюзий: революционного романтизма, идеализации примитивного сознания, преклонения перед сильной личностью. Горьковская галерея антигероев – это вызов времени, выполнявшему социальный заказ на прославление «маленького человека», поднявшегося с колен и превратившегося в героя революции. Одна из самых выразительных фигур в ней – Петр Каразин, по прозвищу Карамора, революционер-боевик и провокатор.

Проблему нового героя М. Горький осмысливал в полном соответствии с новым веком, но соотносил ее с вечностью. Его Карамора не социальный, а вечный тип, преступающий законы ради испытания их непреложности. Он заставил своего героя споткнуться о

«пустяковую мыслишку»: можно ли быть бойцом двух станов? «Сделался провокатором для того, – пояснял в письме Р. Роллану, – чтобы узнать: есть в нем сила, которая могла бы запретить ему сделать преступление?». Такой силы в нем не оказалось.

М. Горький увидел муки сознания, трагедию мироощущения не столько из-за социальной несправедливости, сколько из-за неверия в последние истины, глубочайшего разочарования в философии жизни, «оправдании добра». Он уловил кризис духа в социальной активности строителей «Нового Дома». Карамора интересовал его не как жертва старого общества, а как носитель идеологии нового века (так А. Пушкина интересовал Герман) [2]. Его погубила «воля к мысли», которую Д. Мережковский предлагал заложить как камень в основание «Нового Дома». В 1926 г. он сказал в обращении к «Строителям Нового Дома»: «Воля к мысли – ведь это и есть камень, заложенный в основание Нового Дома – “камень, пренебреженный зиждущими, но который делается главою угла”. Не оттого ли и рухнул наш Старый Дом, что он был основан не на том камне?» [3, с. 5].

Вот и Каразина зовут Петр, его имя означает «камень», именем своим он напоминает о библейском строителе веры Петре. Можно предположить, что М. Горький, свято веривший в силу разума, не раз задавался вопросом: что происходит, когда «воля к мысли» овладевает людьми без духовного зрения? «Сон разума рождает чудовищ». А бодрствование разума? Писатель проникает в подполье каразинской души через мысль и говорит, что она пробудила его слепую волю, инстинкты «древнего зверя». Он тщательно продумывает психологическое и философское основание кризисной ситуации и создаст свою форму «потока сознания» – не как исповеди для покаяния и оправдания, а как самоотчета, углубленного самопознания.

Карамора склонен к философствованию, но не к самообману. Создавая собственные законы жизни вне религии и нравственности, он устроил себе испытание предательством и провокаторством, дошел до конца и признал себя банкротом. М. Горький построил модель эксперимента в эксперименте: он проверяет своего героя, но и герой сам проверяет себя, сознательно преступая библейские заповеди и законы чести. Предпринятый эксперимент в эксперименте позволяет смотреть на усилия познающей мысли автора и героя как на равнозначные.

Поведение Караморы парадоксально, потому что он раздвоен, в нем одновременно живут и действуют ветхий и новый человек. Пояснить это можно, исходя из размышлений М. Бахтина о разных типах, воплощенных в Отелло и Гамлете. «Эпическое» мышление склоняет Отелло к мести ради восстановления гармонии в мире: зло надо уничтожить, убить, и восстановится высший порядок, вернется любовь. Гамлет вышел за пределы эпического сознания и за рамки «трагедии мести». Он понял, что уничтоженное конкретное зло не устраняет зла как такового. Рефлексия над философской проблемой ослабила волю к прямому мстительному действию и тем обозначился приход нового человека нового времени [4].

Тип сознания Караморы, каким воссоздает его М. Горький, размышляющий, вопрошающий, близок гамлетовскому, а тип поведения резко контрастирует с ним. Образно говоря, во внешней жизни он предпочитает эпос и поступает соответственно, но внутренне настроен на драму. Социальная месть привела его в ряды боевиков, сомнения в идее революционного насилия во имя переустройства мира заставили связаться с охранкой. Его провокаторство обусловлено не социальной или психологической патологией или абсурдным бунтом. Первопричина падения Караморы просматривается в духовной беспризорности и социальной неукорененности. Причастность к новой идеологии обеспечивала психологический комфорт, заглушая внутренний голос нравственного сознания.

М. Горький скрупулезно и добросовестно проникал и в душу «искренного революционера и искреннего провокатора», чтобы проявить ее тайну и предостеречь читателей от оценочных суждений. Добиваясь чистоты эксперимента, он двигался в ее смутной глубине, лежащей за порогом сознания. Проникновение в субъективное бессознательное привело к открытию тайных мыслей, скрываемых Каразиным от самого себя. Называние этих мыслей переводит восприятие текста на онтологический уровень.

Оказывается, в тайной жизни души власть злых и мстительных сил не беспредельна! Карамора совершает альтруистические поступки, опасные для него, но спасительные для

товарища по партии Таши Мироновой. Попирая этические запреты, он дошел до черты, где кончался беспредел самоиспытания и начинал действовать категорический запрет на предательство: «Была у нас в комитете пропагандистка Миронова, товарищ Тася, удивительная девушка, какое ласковое, но твердое сердце было у нее. Не скажу, чтоб она была красива, но человека милее ее я не видал. Почему я вдруг вспомнил о ней? Я ее не выдавал жандармам» [5, с. 67].

Разлад разума и чувства был для Караморы мучительной проблемой: «Привычка честно жить? Это привычка правдиво чувствовать, а правда чувствований возможна только при полной свободе проявлять их, а свобода проявления чувств делает человека зверем или подлецом, если он не догадался родиться святым. Или – душевно слепым. Может быть – слепота, это и есть святость?..» [5, с. 51]. Не предавая Тасю Миронову, герой оказывается во власти альтруистического чувства, и только оно имело отношение к высшей правде свободы чувств и мыслей.

Беспросветная тьма опустошенной души Караморы вытеснялась не усилием воли, а светом мысли о Тасе Мироновой. Это странное и неосознаваемое воздействие чистой идеи вечной женственности. Без нее эксперимент, затеянный писателем и его героем, выглядел бы проверкой на подлость – и только. В юной пропагандистке был счастье найден потаенный образ истинной души антигероя, спасшейся в конечном счете от окончательного распада в бездне игры сильных со слабыми (философия охоты жандарма Симонова). На глубине бытия, считали древние, зла нет и нет потребности в возмездии и мести. Товарищ Тася, возникая из глубин бытия, из сферы бессознательного, как бы подтверждала догадку Каразина, что он обманулся в исканиях истины, что возвращения блудного сына не произошло.

Можно ли с полной уверенностью говорить, что Карамора защищал пропагандистку от провала бессознательно? Горьковский текст не дает однозначно утвердительного или отрицательного ответа на этот вопрос, так как в нем воссоздан момент исповеди, который не предваряет и не поясняет действия, а сам является действием. Кончается исповедь – кончается рассказ. Причем, это исповедь гордеца. О ее своеобразии точно сказал И. Анненский, характеризуя исповедь героя трагедии А. Писемского «Горькая судьбина»: «... Здесь гордец просит прощения у “мира”, но не так, как просят его, чтобы что-нибудь получить или кого-нибудь смягчить, а как на исповеди, когда душа свободно открывает свою тайну и муку и хочет в Боге слиться со всеми себе подобными» [6, с. 248–249].

И горьковский Карамора размывает границы своего самоанализа, решаясь на скрытый диалог с «другими», равноправность которых признает. Одна из них – товарищ Тася, другой – андерсеновский мальчик, разоблачивший голого короля. К его примеру он обращается за оправданием своего страшного опыта: «А что, если я, действительно, тот самый мальчишка, который только один способен видеть правду? – Король-то совсем голый, а?» [5, с. 68] Неукорененный, безытничный, одинокий и бездомный, он видит себя стоящим в толпе мальчишкой, громко кричащим о том, о чем молчат все.

Тася Миронова и андерсеновский мальчик – поэтические знаки больной совести Караморы. Она у него есть, болит и хранит надежду быть услышанной. «Сверхсмысл» исповеди-самоотчета не фиксация полного поражения и бесславного конца, а получение права на диалог с будущим, с «другими», которым окажется полезен и его опыт испытания новых и вечных идей.

В финале рассказа «Карамора» удивительно сошлись «великая честность наблюдателя» (С. Цвейг) и великое доверие к человеку. М. Горький мог остановить сюжет каразинской жизни в любой точке падения, например, в той, когда она превратилась в охоту сильного на слабых, подчиняясь воле жандармского полковника Симонова: «Жизнь есть охота и игра, в которой каждый хочет обставить другого» [5, с. 56] Но писатель поставил точку, когда увидел в своем антигерое того внутреннего человека, которого нельзя победить «ложным разумом» и дурной революционностью.

М. Горький совершал ошибки, прославляя Человека с большой буквы, оправдывая «своевольное хотение», бунтарскую самость. Но в перечислении горьковских ошибок и в поисках все новых нельзя забыть о главном, в чем он совпадал с великими идеями своего века. Об одной из них Н. Бердяев говорил так: «Много писали оправданий Бога, теодицей.

Но наступает пора писать *оправдание человека – антроподицею*. Быть может, антроподицея есть единственный путь к теодицее, единственный неизжитый и неисчерпанный путь» (выделено Н. Бердяевым) [7, с. 15].

Тему общности основополагающих мыслей пролетарского писателя и религиозного философа о кризисе сознания в переломную эпоху и необходимости оправдания человека можно продолжить в прямом цитировании некоторых высказываний Н. Бердяева, проясняющих философскую основу конфликта в рассказе «Карамора». Говоря о том, например, что человечеству предстоит перейти к более зрелым формам сознания, он предупреждал о самом трудном на этом пути – об одолении «внутреннего темного начала» [8, с. 55]. Анализируя же специфические камни преткновения, он писал, что «русская душа склонна опустаться в низшие состояния, там распускать себя, допускать бесчестность и грязь ... но ... никогда не будет почитать материальные богатства высшей ценностью» [8, с. 55]. Печален его философский вывод: «И колеблется русский человек между началом звериным и ангельским, мимо начала человеческого» [8, с. 78].

Н. Бердяев считал, что простолюдин ищет спасения и правды, но не истины. Правдоискателями из народа полна русская литература. «Странные» герои поздней горьковской прозы оспаривали привычный тип народного правдоискателя. В строгом рисунке человека из низов нет фольклорной идеализации и романтического приукрашивания, нет и снисходительного смягчения этических и социальных требований к нему. Напротив, М. Горький заострил внимание на болезнях этически неразвитого, «неполного сознания» (термин Д. Мережковского), крайне опасных при их массовости, но при этом не оставлял его в точке падения («Отшельник», например). В Караморе он нашел «волю к мысли» и отправил его на философский поиск истин о свободе и праве на возмездие, а не сытого счастья или единственной правды на всех.

Исповедальные записи Петра Каразина становятся последним усилием его мысли и проявляют в нем внутреннего человека как особую реальность, противостоящую «идеологии простоты», которую раздражают пестрота и сложность, тайна человеческого характера, не поддающаяся исчислению. Даже в крайне идеологизированном герое М. Горький рассмотрел способность к самостоятельному мышлению, оставил за ним право выбора, уважал и нем свободное проявление воли и нежелание жить, как велят. Он понимал, что маргинальный человек изуродован не только идеологическими ухищрениями великих социальных манипуляторов, но и собственными заблуждениями, нигилизмом, метафизическим неприятием мира.

Художественный текст стал для М. Горького мастерской, где создавались оптимальные условия для всепонимающего наблюдения за типами переходной эпохи, «не здравомыслящими», а философствующими стихийно. Он сделал их проявлением «чистой функции осознания себя и мира» (М. Бахтин) и дал им исповедальное слово. М. Горький обновлял свое письмо, добиваясь синтеза традиционных и новых приемов, избегая подробной описательности и идеологических оценок, предпочитая язык философских размышлений, требующий условных, аллегорических и символических форм, интеллектуального эксперимента.

Н. Берберова в одном из интервью 1989 г. сказала, что М. Горький не стал писателем XX в., как и И. Бунин: после первой мировой войны появилась новая литература, а они остались в XIX в. [9, с. 5]. Сегодня принято с большим доверием относиться к горьковским недоброжелателям, к их высказываниям. Но аргументы для несогласия, факты для опровержения нигилистического отношения к горьковскому наследию дает сама живая литература. Нетрудно увидеть типологическое сходство поздней горьковской прозы с произведениями столь почитаемых Д. Джойса и М. Пруста. Нельзя не заметить также, что маргинальные персонажи современных книг, родственные горьковским, подтверждают предвидение писателя.

Список использованных источников

1. Ходасевич В.М. Горький / В.М. Ходасевич // Знамя. – 1987. – № 5. – С. 151–161.
2. Макогоненко Г. О некоторых особенностях поэтики «Пиковой дамы» / Г. Макогоненко // Пена. – 1979. – № 6. – С. 177–186.

3. Мережковский Д. О мудром жале / Д. Мережковский // Литературная газета. – 1990. – 17 января. – С. 5–7.
4. Бахтин М. (Медведев Н.П.). Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику / М. Бахтин. – Л.: Прибой, 1928. – 232 с.
5. Горький М. Карамора / М. Горький // Собр. соч.: в 30 т. – Т. 17. – М.: Гослитиздат, 1952. – 496 с.
6. Анненский И. Избранное / И. Анненский. – М.: Правда, 1987. – 592 с.
7. Бердяев Н. Смысл творчества / Н. Бердяев. – М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1916. – 358 с.
8. Бердяев Н. Судьба России / Н. Бердяев. – М.: Советский писатель, 1990. – 350 с.
9. Берберова Н. «...Тянусь только к людям» / Н. Берберова // Литературная газета. – 1989. – 4 октября. – С. 5–8.

Статтю присвячено дослідженню проблеми антигероя в оповіданні М. Горького «Карамора». Осмислюється тип свідомості ідеологізованого героя, «маленької людини», двоїстість героя як щирого революціонера та щирого провокатора.

Ключові слова: антигерой, ідеологізований герой, «маленька людина», революція, провокація, провокація.

Article is devoted to research of a problem of the antihero in the story by M.Gorkiy «Karamora». The type of consciousness of ideological hero, «the small person», tragedy of its attitude during a critical epoch, a duality of the hero as sincere revolutionary and sincere provoker is comprehended.

Key words: antihero, ideological hero, «the small person», revolution, provocation.

Одержано 1.10.2013.